

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

УДК 330.8

В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕКРИЗИСНЫЕ ГОДЫ (1998–2001)

Г.И. Ханин

Новосибирский государственный
технический университет

khaning@yandex.ru

Рассказывается о научной и педагогической деятельности в 1998–2001 годы. Дается характеристика СГУПС, студентов и преподавателей кафедр «Экономическая теория» и «Мировая экономика», моего руководства аспирантами. Подробно рассказывается о наиболее важных выводах первой части моей книги «Экономическая история России в новейшее время», допущенных в ней пробелах и неточностях. Важное место уделяется содержанию дискуссии на российско-американской конференции по истории советской экономики в Звенигороде летом 2000 года, дается характеристика ее участникам. Объясняются причины моего ухода из СГУПС.

Ключевые слова: российское высшее образование, СГУПС, история советской экономики, российско-американская конференция по истории советской экономики в Звенигороде летом 2000 года.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-152-166

1. Работа в СГУПС

В Сибирский государственный университет путей сообщений (СГУПС, бывший НИИЖТ) я попал осенью 1998 года по совету моего старинного товарища-экономиста, который там многие годы преподавал по совместительству с работой в институте экономики. Он соблазнил относительно высокими заработками, поскольку университету покровительствовала богатая Западно-Сибирская железная дорога. Минусом этого института для меня была его удаленность. Добираться приходилось почти полтора часа тремя видами транспорта.

Встретили меня приветливо. Университету, как и другим новосибирским инсти-

тутам, позарез нужны были для отчетности доктора наук. Кроме того, и декан и многие преподаватели-экономисты меня знали как автора «Лукавой цифры». Я пошел на наиболее близкую мне по профилю кафедру экономической теории (ее возглавлял по совместительству декан факультета мировой экономики).

Сразу хочу отметить, что заверения моего приятеля оказались верными. Зарплата в университете оказалась действительно намного выше, чем в других новосибирских государственных вузах, и к тому же она выплачивалась вовремя. Сам университет (им он стал в 90-е годы одновременно со многими другими) по внешнему виду производил сильное впечатление. Помпезное, в

духе сталинского неоклассицизма здание, построенное перед самой войной. Широкие лестницы и коридоры, обширные учебные аудитории для лекций и семинарских занятий. Хорошая библиотека.

После очень длительного перерыва (чуть не в 30 лет) я возобновил преподавание в государственном вузе. Очень быстро выяснилось, что мои прежние убеждения в ущербности государственных вузов, которые заставили меня ориентироваться на частные вузы, полностью подтвердились. Наукой в вузе не интересовались. Так ведь было и задумано с самого начала: вуз для преподавания, наука в Академии наук и прикладных НИИ. Да и времени при чудовищной педагогической нагрузке для этого почти не было. Единственное время, когда о ней как-то вспоминал, было при защите кандидатских и докторских диссертаций, необходимых для повышения заработка. Но процесс деградации в этой сфере, начавшийся уже в начале 60-х годов, теперь достиг пика. Диссертации уже всюду покупались и продавались, процветал плагиат.

Первое мое потрясение по этому поводу произошло почти сразу после начала работы в СГУПС. Меня пригласили на предзащиту одной кандидатской диссертации по себестоимости железнодорожных перевозок. Мне трудно было оценить ее научный уровень, поскольку я не был знаком с этой сферой. Но меня поразило два обстоятельства. Список научных работ ограничивался публикациями преимущественно в трудах самого вуза, и объем этих публикаций составлял в лучшем случае 3-4 страницы. Мне показалось, что здесь какая-то ошибка, но все оказалось правильным. Мое недоумение по этому поводу заметили. Я задал вопрос, учла ли автор в своих расчетах амортизации восстано-

вительную стоимость основных фондов. Стало ясно, что она об этом понятии даже не слышала. Поскольку в таком же положении в это время было подавляющее большинство российских экономистов, я не стал на этом акцентировать внимание и, не желая с первых шагов в институте противопоставлять себя общему настроению, проголосовал за допуск диссертации к защите. И сейчас уверен, что она была не хуже остальных защищавшихся в то время в провинциальных вузах по экономике. Но больше ни на какие предзащиты меня не приглашали. Вскоре я был включен в состав диссертационного совета по экономике и был вынужден присутствовать на защитах диссертаций. Некоторые защиты я пропускал, на большинство ходил. Любопытно, что в состав совета было включено немало специалистов, к экономике не имевших отношение.

Даже из авторефератов было ясно, что в подавляющем большинстве диссертации слабые, но они благополучно защищались и потом утверждались ВАК. Из заметных запомнившихся мне исключений была защита диссертации о реформе железных дорог в Казахстане. Ее защищала молодой, с умным и энергичным лицом чиновник из Управления железных дорог Казахстана, и она содержала много интересного, диссертант удачно и уверенно отвечал на вопросы.

В СГУПС мне впервые в возрасте 60 лет пришлось по долгу службы (для профессора это было обязательно) руководить аспирантами. Это обогатило мои представления о научной работе в вузе и профессиональных качествах выпускников-экономистов вуза. Всего за все время пребывания в СГУПС мне определили, кажется, 8 аспирантов. В то время я особенно интересо-

вался восстановительной стоимостью основных фондов, другими альтернативными оценками и предлагал им соответствующие темы, литературу по теме. Аспиранты очень быстро понимали, что это сложная тема, и отказывались ею заниматься, переходя к другим руководителям. Осталось двое.

Один – приятный молодой человек, сын сотрудницы администрации СГУПС, исправно читал мои книги и статьи, сдавал кандидатские экзамены. Но когда дело дошло до расчетов, дело замерло. Мои попытки подтолкнуть его долго не давали результатов. Наконец, он все-таки проделал расчет по газовой промышленности. Результаты меня потрясли: восстановительная стоимость газовой скважины оказалась в 11 раз выше балансовой! Я ожидал большого разрыва, но значительно меньшего. Это мне показало степень недостоверности статистики основных фондов и сопутствующих показателей (динамики основных фондов и рентабельности экономики). Но добиться дальнейших действий от этого аспиранта мне не удалось. Только спустя долгое время я понял, зачем ему (как и многим другим молодым людям в то время) была нужна аспирантура: это был удобный способ уклониться от армии.

Второй опыт оказался более удачным. В аспиранты попросилась уже не совсем молодая женщина, с большим опытом работы в этом вузе в качестве преподавателя статистики – Ольга Ивановна Полосова, которая оказалась подлинной находкой для моей научной деятельности. Она слышала о «Лукавой цифре» и вполне осознанно выбрала меня в качестве руководителя. Я ее сразу предупредил о сложности темы. Она, к моему большому удивлению, не испугалась. Дело в том, что в отличие от дру-

гих аспирантов Ольга Ивановна уже имела большой опыт преподавательской деятельности в области статистики и написала несколько методических пособий. Очень быстро Ольга Ивановна освоила мою методику определения альтернативной оценки динамики промышленной продукции (это была ее тема диссертации). Трудности возникли, когда надо было придумать свой дополнительный метод. Долгое время ничего не могла придумать. Наконец, совместными усилиями мы придумали новый метод. Затем начались расчеты по всем методам за 1996–2000 годы.

Результаты были очень интересными. Их особенностью было еще и то, что они велись не только по всей промышленности, но и по отдельным ее отраслям, чего я не делал. И не только по выпуску, но и по производительности труда (этот показатель в российской статистике перестал рассчитываться). Они позволили существенно обогатить методику расчетов и дали более подробное представление о характере экономического развития в этот период. Чаще всего результаты расчетов отличались от оценок Росстата в низшую сторону, но бывало, что оказывались выше. Очень быстро эти результаты были опубликованы в журналах «ЭКО» и «Вопросы статистики» в качестве наших совместных статей. Для провинциального экономиста это было крупным достижением.

Почти никакого влияния на других авторитетных российских экономистов, судя по цитируемости, они не оказали, хотя нередко они цитировались, преимущественно в провинциальных журналах. Наши «замечательные экономисты» вполне довольны были статистикой Росстата. Такими «глупостями», как альтернативные оценки, они себя, как правило, не утруж-

дали. Это меня уже не удивляло. Я слишком хорошо знал цену их профессиональному и нравственному уровню. Вскоре очень умело Ольга Ивановна написала весь текст. В нем очень удачным был еще библиографический раздел. После успешной защиты диссертация была представлена для защиты в Новосибирский институт народного хозяйства, но об этом я расскажу в следующей части моих воспоминаний.

Студенты-экономисты СГУПС были относительно неплохими. Это определялось тем, что СГУПС пользовался в городе и вообще в Сибири хорошей репутацией. Этим он был обязан, конечно, своим основным специальностям, но его высокая репутация автоматически распространялась и на экономистов. Поэтому конкурс был высоким, что позволяло отобрать лучших. Важно и то, что по традиции в институте поддерживалась высокая дисциплина, и это заставляло даже самых ленивых аккуратно посещать занятия и как-то готовиться к ним. У 10–15 % студентов была высокая мотивация к учебе, примерно 60 % учились добросовестно, остальные кое-как, но все-таки учились.

Я с большим удовольствием читал лекции и вел семинарские занятия. Первые два года я вел курс экономической теории. Ориентировался на западные учебники по Экономикс, но старался разнообразить курс примерами из российской экономики и непременно рассказывал об альтернативных оценках. Слушали меня хорошо, хотя в большой аудитории поддерживать дисциплину было нелегко. Мне приятно, что спустя много лет после ухода из СГУПС я встречаю в разных местах своих бывших студентов, которые тепло вспоминают мои лекции.

Отмечу запомнившиеся мне эпизоды, связанные со студентами. Наиболее памятным было привлечение к моим исследованиям Наташи Иванченко. Она очень добросовестно и вдумчиво готовилась к семинарским занятиям, заинтересовалась альтернативными оценками. Я посоветовал ей почитать мои книжки, и она быстро освоила смысл и методику расчета альтернативных оценок (этого до сих пор не могут освоить многие доктора и кандидаты экономических наук). Поручил ей провести некоторые расчеты – успешно провела. Затем эстафету переняла Полосова при проведении занятий по статистике. Впоследствии Иванченко успешно провела серию очень важных расчетов и подготовила кандидатскую диссертацию.

Другой эпизод связан с дипломной работой одной студентки на кафедре «Мировая экономика», куда я перешел в 2001 году. Руководить дипломными работами было очень выгодно, поэтому мне дипломников давали крайне редко (и притом давали слабых студентов). С дипломницей встретился в октябре, и вместе выбрали тему: «Внешнеэкономические связи Новосибирской области». Наметили план работы, необходимую литературу. Предложил незамедлительно приступить к работе ввиду ее сложности. Затем она исчезла. На мой недоуменный вопрос мне ответили, что студенты приступают к работе поближе к моменту защиты. Дипломница появилась в конце марта и принесла убогий текст, в основном переписанный, с минимумом фактических данных. Я сказал, что такую работу не допущу к защите, и предложил подыскать дополнительные данные. Через месяц принесла новый текст, где содержались уникальные данные платежного баланса Новосибирской обла-

сти за год. Мое внимание привлекла самая большая статья баланса по ввозу и вывозу капитала, которая рубль в рубль совпадала по приходу и расходу. Я обратил ее внимание на эту статью и предложил подумать над этим странным совпадением. Она обещала подумать. Новый текст принесла почти накануне защиты. Никакого объяснения в нем не было. Я сказал, что максимум, что могу сделать, это поставить с большой натяжкой «три», и написал весьма кислый отзыв, обратив в нем внимание на необъясненное совпадение.

В день защиты я оказался на кафедре (в комиссию по защите дипломных работ меня никогда не включали). Приходит моя дипломница и сообщает, что ей поставили «отлично». Тогда я ей объясняю, что «странное совпадение» связано с умелой манипуляцией: одни и те же деньги пересылались много раз в обоих направлениях. И тут она произнесла надолго запомнившуюся мне фразу: «Я понимаю теперь, почему у нас так плохи дела в экономике, какими другими они могут быть при таких экономистах». От наших докторов и кандидатов экономических наук я такого не слышал. Поистине, устами младенца глаголит истина.

Остается добавить, что еще задолго до этого я обратил внимание на несоответствие сообщаемых по Новосибирской области сведений об огромном росте иностранных капиталовложений простым наблюдениям. Теперь «секрет» объяснился. Остается добавить, что по совпадению заведующим кафедрой был как раз вице-губернатор области по внешнеэкономическим связям.

Третий эпизод связан с единственным на курсе студентом-китайцем. Он аккуратно приходил на занятия, садился на пер-

вый ряд и внимательно, как мне казалось, слушал. Когда речь заходила о Китае, я обращался за комментариями к нему, но он упорно молчал. На экзамен он приходил дважды и оба раза не мог ответить ни на один вопрос. Вообще ничего. На третий раз он пришел с большой бутылкой вина. Поставил ее на видном месте рядом с собой и снова ничего не ответил. Я опять поставил ему двойку. Что с ним было дальше, точно не знаю. Но если мне не изменяет память, я и в последующие годы видел его в СГУПС.

Но главным для меня в эти годы было не преподавание, а научная работа. Здесь отмечу, что, как и в прежние годы, я занимался наукой абсолютно бесплатно. Так было всю мою научную жизнь, кроме небольшого периода в конце 2000-х годов. Пишу об этом в связи со спорами о значении материальной мотивации научных исследований.

2. Начало работы над книгой «Экономическая история России в новейшее время»

Я уже писал ранее, что в связи с очевидным для меня провалом рыночных реформ в качестве альтернативы и как выход из тяжелейшего кризиса меня заинтересовал сталинский период командной экономики с конца 30-х годов, когда эта система достигла своей относительной зрелости. К тому же, зная наиболее квалифицированную западную литературу по истории советской экономики, я считал этот период наименее исследованным и объясненным. Всё свое свободное время я использовал для нового прочтения многочисленных источников об этом периоде. Сюда входили, помимо научных и документальных источников, также мемуары и правдивые художе-

ственные произведения (например, книга Александра Бека «Новое назначение»).

Первый вопрос, который следовало объяснить, связан с причиной и влиянием репрессий 1937–1938 годов на экономику. В тогдашней российской литературе господствовало мнение, что причиной репрессий была сталинская паранойя, боязнь перед возможными соперниками. Я предположил, что их важнейшей целью была смена старой малоквалифицированной хозяйственной элиты на более образованную и деятельную. Сравнение старых и новых хозяйственных руководителей высшего уровня подтвердило эту гипотезу. В то же время я указывал на варварский способ этой смены правящего слоя в экономике. Мне следовало также во избежание недоумений и ради исторической точности указать, что репрессии в этот период касались и многих простых граждан.

Для оценки результатов экономического развития в этот период я использовал хорошо мне известные западные и некоторые собственные оценки. Они показали, что после кратковременного периода ухудшения эффективности экономики в годы пика репрессий она снова стала расти. Благоприятно сказались смена хозяйственных руководителей и улучшения практики планирования и управления, материального стимулирования. Я опровергал распространенное тогда мнение о чуть ли не решающей роли использования труда заключенных в развитии советской экономики в предвоенный период.

Для периода Великой Отечественной войны я произвел два важных расчета. Во-первых, опираясь на западные источники, произвел сравнение производительности труда в советской и западной военной промышленности и отдельно и более под-

робно в авиационной промышленности. Оказалось, что она, несмотря на заведомо более неблагоприятные условия, оказалась ниже только по сравнению с военной промышленностью США. Это говорило о высокой эффективности советской военной промышленности и возможностях советской плановой экономики. О последнем говорила также успешная и быстрая ее перестройка на военные нужды, эвакуация многих предприятий и быстрое возобновление их производства на новом месте. Впечатляли и достижения советской военной техники. Я обращал внимание и на большую роль ленд-лиза в развитии советской экономики в этот период. К сожалению, я практически не использовал имевшуюся тогда в моем распоряжении выдающуюся работу Марка Харрисона о военной экономике СССР, которая гораздо полнее и глубже в макроэкономическом отношении характеризовала этот период. Вместе с тем тогда я в своих расчетах не учел относительно низкое качество военной продукции, вызванное завышенными планами, низким качеством материалов и низкой квалификацией работников. Учет этих обстоятельств в расчетах привел бы к некоторой их корректировке в сторону снижения. Я обратил внимание на огромную разницу в эффективности военной промышленности и Красной Армии, которая несла колоссальные потери по сравнению с немецкой. Это имело место даже в 1945 году, когда немецкая армия уже агонизировала.

Первый послевоенный период оказался также очень успешным. Я называл его экономическим чудом, огромным успехом командной экономики. Здесь бросалось в глаза сочетание огромных затрат на создание новых отраслей ВПК (ядерная про-

мышленность, ракетная и реактивная техника) с успешным восстановлением гражданских отраслей, предвоенного уровня жизни населения. Приведенное сравнение с Западной Германией и Японией показывало, что в СССР довоенный уровень был восстановлен раньше. Мои оценки говорили о быстром росте производительности труда в ряде отраслей экономики в сравнении с предвоенным уровнем. Много писал об успешном развитии новых отраслей экономики, в особенности радиоэлектроники и приборостроения, о большом внимании к развитию науки. В этой части я много писал об огромной роли репараций в развитии советской экономики этого периода, о важнейшем значении труда военнопленных, особенно немецких ученых и инженеров. Показывал роль в создании ядерного оружия ряда выдающихся хозяйственных руководителей, выдвинувшихся в предвоенный период. Вместе с тем отмечал слабое использование опыта войны в организации промышленного производства, негативное влияние борьбы с «космополитизмом» на состав командных кадров.

Огромное впечатление на меня произвели успехи советской экономики в пятой пятилетке. Соответствующую главу я так и назвал: «Экзамен на зрелость сдан». Впоследствии весь период 50-х годов я назвал советским экономическим чудом. Точнее было бы отнести это «чудо» к первой половине 50-х годов. К сожалению, я почему-то для пятой и шестой пятилеток не воспользовался уже опубликованными в «Коммунисте» в 1987 году своими альтернативными оценками общезкономических показателей, но и использованные оценки по отдельным отраслям были достаточно показательны. Кстати, и макро-

экономические оценки ЦСУ СССР в этот период были наименее искаженными за весь советский период. Единственная, но очень важная альтернативная оценка касалась динамики основных фондов при анализе плана пятой пятилетки. Здесь я использовал оценку Яковом Квапой превышения восстановительной стоимости основных фондов над балансовой в середине 50-х годов. В этой оценке я допустил некоторую ошибку: при оценке запланированного объема капитальных вложений не учел снижения цен на инвестиции в соответствии с намеченным значительным снижением себестоимости промышленной и строительной продукции.

Наибольшее впечатление производило то, что в этот период быстрый прогресс наблюдался во всех областях экономики, и она развивалась весьма сбалансированно. Основное объяснение успехов в пятой пятилетке я видел в качественно возросшем квалификационном уровне кадров на всех уровнях (от рабочего до министра) благодаря огромным усилиям по улучшению качества профессионального, среднего, среднего специального и высшего образования и неуклонной замене малообразованных работников более образованными. Показательно, что доля расходов на образование в ВВП в СССР в этот период в два раза превышала уровень США. Я обращал внимание на улучшение качества продукции в этот период на примере долговечности выпускавшейся тогда бытовой техники.

Большое внимание в книге уделялось анализу произошедших в пятую пятилетку крупных изменений в структуре экономики и в обновлении ее технической базы, которые я охарактеризовал как начало второй индустриализации.

Я подробно анализировал ход экономического соревнования СССР с развитыми капиталистическими странами в этот период и показал, что СССР выигрывал его даже по отношению к ФРГ и Японии, которые развивались наиболее быстро.

Таким образом, примерно через 25 лет после перехода к командной экономике она, казалось, сумела доказать свою жизнеспособность в сравнении с рыночной. Те же 25 лет после начала рыночных преобразований в России (с принятия закона о кооперации) оказались несравненно менее успешными, просто провальными.

Вместе с тем я обращал внимание на то, что сохранялись (хотя и уменьшались) многие традиционные недостатки советской экономики. Речь шла прежде всего о дефиците потребительских товаров. Положение в этой области я противопоставлял практике ГДР и Чехословакии, связывая это с недостаточным вниманием к деятельности Министерства торговли СССР. Теперь сюда в числе причин я бы добавил приоритетное внимание к снабжению самых крупных городов в ущерб средним и мелким и сельской местности и приоритетному обеспечению номенклатуры, огромные хищения в торговле.

Для объяснения причин недостаточно быстрого самостоятельного научно-технического прогресса и в этот самый благополучный период я привел обширные отрывки из статьи академика Л. Седова 1955 года в газете «Известия», в которой он обличал бесплодность, халтуру многих научных работников и целых институтов, связывая это с клановостью многих научных институтов, и призывал преодолеть эти пороки, которые благополучно живут до сих пор.

В качестве «отступления» я поместил большой параграф, посвященный полити-

ческому фону экономических событий конца 40-х – начала 50-х годов. В нем я рассмотрел оценку Сталиным политической ситуации СССР в этот период. Для этого мне потребовалось на основе многочисленных литературных и мемуарных источников (среди них плохо понятый российскими историками отчетный доклад XIX съезду партии) осмыслить этот важнейший для судьбы СССР и социализма вопрос. Я показал, что, несмотря на бесспорные успехи этого периода, Сталин весьма мрачно оценивал будущее социализма в СССР. Он осознавал огромное отставание всего социалистического лагеря от капиталистического по численности населения, экономической, военной и научно-технической мощности, послевоенные внешнеполитические неудачи. Особенно его беспокоили бюрократизация и застой системы, отсутствие продуманной теории дальнейшего развития. Не отрицая потенциальной возможности обновления советского социализма, я показал огромные трудности такого обновления.

Впоследствии я сделал следующий шаг: на основе дальнейшего осмысления тех же и некоторых новых фактов выдвинул и обосновал гипотезу о Сталине этого периода как основоположнике «оттепели» и либерализации советского общества.

Анализ шестой пятилетки был назван так: «Шестая пятилетка – триумф и начало кризиса советской экономики». Это означало, что в ней сочетались большие достижения и, что было принципиально новым, семена будущего кризиса. План шестой пятилетки я назвал планом второй индустриализации, поскольку в нем намечалось коренное преобразование материально-технической базы советской экономики. Я отмечал, что для нее имелись объек-

тивные предпосылки: физические и человеческие ресурсы (здесь я недоучел огромные человеческие потери первой половины XX века), но не было социально-политических предпосылок. «Для этого страна должна была стать иной. Советское общество должно было стать более умным и менее милитаризованным».

Причину неудач в осуществлении шестой пятилетки я связывал с неспособностью обеспечить решение этих задач. Больше того, многие проводившиеся после смерти Сталина институциональные преобразования шли в противоположном направлении. Сюда я относил повышение роли партии в управлении экономикой и снижение роли контрольных органов, включая финансово-кредитные, а также изменения в структуре органов управления экономики. Ослабляли возможности централизованного планирования и управления, также сокращение числа директивных показателей годового народнохозяйственного плана и отмена в середине 50-х годов централизованного ежегодного пересмотра норм выработки, которую Григорий Явлинский расценивал как смертный приговор системе.

Анализ биографий руководящих государственных и хозяйственных деятелей, результатов их деятельности дали основание сделать вывод о неудачности персональных изменений в советском руководстве после смерти Сталина. В книге подробно характеризовалось нарастание коррупции государственного аппарата, с которой почти перестали бороться. Делался вывод о социальном склерозе советского общества. Имеющиеся большие хозяйственные успехи я вслед за видным хозяйственным руководителем В. Новиковым объяснял силами инерции, которые были не беспредельны.

Важным фактором, замедлявшим экономическое развитие, я считал непосильные военные расходы и чрезмерную помощь в экономическом развитии союзникам СССР. При оценке величины военных расходов я опирался на расчеты западных экономистов советского происхождения Дмитрия Штейнберга и Игоря Бирмана. Вместе с тем, опираясь на опубликованные данные проекта бюджета СССР на 1953 год, я исчислил их проектировавшуюся величину в размере более 25 % ВВП – гигантская величина. Я не привел расчетов размера советской экономической помощи другим странам.

На основе многих данных о состоянии технической базы советской экономики я делал вывод о значительном сокращении ее отставания от США после войны. Особенно подробно рассматривалось развитие ранее сильно отстававшей электронной промышленности и отмечался огромный прогресс в этой отрасли. В качестве важнейшего показателя успехов технического прогресса СССР во второй половине 50-х годов приводились данные о росте удельного веса экспорта машин и оборудования в несоциалистические страны с 5 % в 1955 году до 20 % в 1960 году. Этот показатель преувеличивал достижения в этой области, так как включал развивающиеся страны, куда оборудование поставлялось в кредит. Лучше было взять развитые страны. Сейчас я посмотрел данные об экспорте СССР в основные развитые страны и обнаружил, что он был ничтожен – не более 1 % от общего экспорта даже в 1960 году. В какой-то мере это было связано и со слабыми усилиями по продвижению экспорта машин и оборудования в эти страны.

Уже в первые три года шестой пятилетки заметно снизились по сравнению

с пятой все показатели эффективности производства. Для оценки роста производительности труда в гражданской промышленности я воспользовался оценками выдающегося американского экономиста Г. Наттера. Для оценки изменения материалоёмкости – оценками Ю.В. Яременко. В то же время очень внушительными были достижения в области выпуска предметов потребления и в жилищном строительстве. Здесь сказались снижение военных расходов после смерти Сталина. Обычно негативный тренд относят к 70-м годам, очень редко ко второй половине 60-х годов. Стало ясно, что он гораздо старше. Я его связывал тогда с демонтажем командной экономики. Возможно, уже тогда сказались также и деградация трудового потенциала. Сказались и отъезд немецких специалистов, и постепенный уход из активной деятельности ученых и инженеров, получивших образование до революции в первоклассных российских вузах или за границей.

Несмотря на то что на семилетку пришлось только два года рассматриваемого периода, анализу семилетнего плана и хода его выполнения в эти два года я посвятил отдельную главу «Начало семилетки: новые симптомы начала кризиса».

При анализе семилетнего плана я показал его чудовищную нереалистичность, заметно большую, чем в планах пятой и даже шестой пятилеток. Большое место в анализе нереалистичности было отведено расчетам динамики основных фондов по восстановительной стоимости, которые оказались в три раза меньше намеченных в плане семилетки. Я связывал эту нереалистичность с персональными изменениями в советском руководстве после смещения «антипартийной группы».

Анализ выполнения семилетки я начал с технического прогресса и улучшения организации производства. Опираясь на работы С. Хейнмана, стенограммы двух пленумов ЦК КПСС 1959 и 1960 годов, я показал, что то и другое замедлялось, что скрывалось лживой советской статистикой роста производительности труда.

В работе очень кратко анализировались первые усилия по внедрению вычислительной техники и экономико-математических методов в планирование и управление экономикой, на которые я возлагал некоторые надежды по улучшению качества планирования и управления. Неудачи я связывал с консервативностью правящего класса.

Общие экономические результаты первых двух лет семилетки я назвал «первыми симптомами кризиса экономического чуда». Помимо уже отмеченных ранее причин я обращал внимание на начало инвестиционного кризиса, который из-за чрезмерного доверия к советской статистике основных фондов заметили единицы: на Западе Колин Кларк, в СССР – Я. Кваша и А. Ноткин.

При анализе влияния персональных качеств советских руководителей я полемизировал с широко тогда распространенной идеализацией профессиональных качеств Косыгина.

В заключении, которому я придавал большое значение, я прежде всего полемизировал с оценкой этого периода (и сейчас распространенной) с позиции «За красных или за белых?» как противоречащей объективному анализу. Здесь я обращал внимание на противоречивость экономических и правовых сторон развития общества, социально-экономических прав, где успехи СССР были велики, и политических прав.

Из изложенного я делал вывод, что реальная (а не фиктивная, как в 60-е – 80-е годы) командная экономика может при умелом руководстве добиваться результатов не худших, а часто и лучших, чем рыночная экономика, и утверждения о ее крахе не соответствуют действительности. Здесь я обращал внимание на роковую роль в ее кризисе, не считая его неизбежным, чрезмерных военных расходов.

Но очень трудно было рассчитывать на умелое руководство, имея в виду экономическую политику в СССР. Сталин (в отличие от Мао Цзэдуна) уничтожил почти всех умеющих теоретически мыслить руководителей, а послесталинское руководство устранило двух оставшихся (Бернио и Молотова). И не давало появляться новым.

Опираясь на неплохие экономические результаты 40-х – 50-х годов и с учетом гигантского кризиса 90-х годов, я ставил вопрос о том, «можно ли в настоящее время вернуться к командной экономике». И отвечал на него следующим образом: с чисто экономической точки зрения такой возврат выглядит и возможным, и эффективным по сравнению с нынешним хозяйственным механизмом, особенно если при этом будут учтены в полной мере дефекты хозяйственного механизма 40-х – 50-х годов. Обращаю внимание на слова «с экономической точки зрения». Этот вопрос остается актуальным и в настоящее время, в обстановке глубочайшего экономического кризиса 2010-х годов.

Когда текст книги был завершен, я обратился к заведующему кафедрой с просьбой о содействии в ее издании в СГУПС. Он обещал узнать и через некоторое время сообщил, что такой возможности нет. Такой же ответ я получил от декана. Зная о том, как бездарно и бессмысленно рас-

ходятся в вузе огромные средства, в том числе и на издательские цели, я был возмущен этим отказом и серьезно задумался о целесообразности продолжения работы в СГУПС.

3. Российско-американская конференция в Звенигороде

Тем временем произошло памятное для меня событие – участие в российско-американском симпозиуме по истории советской экономики летом 2000 года. Здесь следует отметить, что я не получал приглашения на научные конференции в России после конференции в фонде Сороса зимой 1993 года.

Конференция состоялась в Звенигороде. Ее организаторами была кафедра экономической истории МГУ. Среди организаторов своей активностью выделялся Л. Бородин. Финансировал ее какой-то западный фонд. В ней приняли участие видные американские советологи Маршал Голдман и Пол Грегори, прислал выступление Дж. Берлинер, не приехавший по болезни. Среди российских участников наиболее заметными были неизвестный мне тогда историк дореволюционной России Борис Миронов, специалист по сопоставительному анализу СССР и США В. Кудров, известный экономист из Института экономики РАН Ю. Ольсевич, видный историк экономики Р. Нуреев, автор многих конъюнктурных обзоров российской экономики В. Гавриленков, крупный историк советского общества А. Соколов из Института отечественной истории РАН, биограф Бориса Бруцкуса Н. Роголина, некоторые другие, менее известные, всего не более 20 человек. Такой небольшой состав, по моему опыту, является наиболее продуктивным для обсуждения каких-то серьезных про-

блем. О большинстве российских участниках я знал только по литературе. Знаком был только с Кудровым. Из американских участников я ранее знал только Голдмана.

Созыв такой конференции сам по себе был примечательным явлением. Это означало, что интерес к истории советской экономики, особенно в США, не иссяк. Вскоре я узнал (не помню от кого), что российские организаторы не собирались меня приглашать и даже противились этому приглашению, и вынуждены были уступить настояниям американской стороны.

Симпозиум начался с примечательного события. Председательствующий предложил участникам представиться на английском языке. Один за другим начались представления. Я лихорадочно обдумывал, как поступить. Конечно, мог бы с грехом пополам объяснить, но я посчитал это унижением и единственный из присутствовавших представился на русском. Интеллигентные люди сделали вид, что ничего не произошло. Думаю, что большинство участников восприняло это как вызов, но уже к концу первого дня симпозиума выступали только по-русски (исключением был Голдман). Видимо, сложилось понимание, что нелепо на русской территории объясняться на иностранном языке с учетом и того, что все американцы в той или иной степени знали русский.

Первым было зачитано выступление Берлинера. Оно же оказалось и наиболее содержательным и ярким. В нем рассматривался вопрос о том, кто виноват в кризисе советской экономики: лошадь (т. е. экономическая система) или жокей (ее руководители). Признавая слабость и ошибки хозяйственных руководителей горбачевского призыва, Берлинер доказывал, что все же главным виновником была экономиче-

ская система. Из остальных докладов мне запомнился только доклад Соколова, который приводил новые данные о положении на промышленных предприятиях СССР в 30-е годы, доклад Кудрова о сравнительной динамике советской и американской экономик в 50-е годы (его вывод состоял в том, что в этот период экономическое соревнование выигрывал СССР) и доклад Бориса Миронова об уровне жизни населения СССР в 20-е годы. В докладе Миронова меня поразило использование для оценки уровня жизни антропометрических данных о росте населения. Я никогда ранее не слышал об этом методе.

От участников не требовалось обязательно представить свои доклады. Я тоже не представил, только выступал в прениях по докладам.

Уже не помню, в какой связи я заявил в прениях, что на российской земле, в РФ, сбылась мечта классиков марксизма-ленинизма и советских вождей о неоспоримых преимуществах социализма перед капитализмом. Это вызвало второй шок. Воцарилась довольно долгая пауза, Кудров схватился за голову. Подозреваю, что организаторам конференции на американские деньги очень неловко было слушать такое некорректное заявление. Тем более от человека, известного своей враждебностью к коммунизму в прошлом. Эта короткая реплика вызвала самую сильную полемику за весь симпозиум.

Моя соседка Роголина попыталась объяснить мое высказывание плохими результатами рыночных реформ в России, что, конечно, было правдой. Голдман сказал, что в командной экономике очень плохо внедрялись технические новшества, на что я ответил, что теперь они вообще не внедряются. Ольсевич сказал, что советской

экономикой управляли люди без мозгов, имея в виду советских вождей. Миронов сказал, что кризис в переходной экономике в первое десятилетие обычное явление: так было и в 1860-е годы. Второе десятилетие будет значительно лучше (здесь он оказался прав).

В реакции на мою реплику больше всего меня поразило, что она вызвала наибольшее отторжение у бывших членов КПСС, какими несомненно было подавляющее большинство советских участников. Я был среди них единственным ее активным оппонентом еще в советское время.

Упомяну еще несколько запомнившихся мне эпизодов этой конференции. При посадке в автобус, отъезжающий из Москвы в Звенигород, я встретил Кудрова. Он написал несколько статей и выпустил книгу, в которой резко (и поверхностно) полемизировал с моей критикой радикальной экономической реформы. Увидев меня, он растерялся, полагая, что я затаил на него обиду. Но я дружески его приветствовал. В автобусе мы сели рядом и оживленно разговаривали. Кажется, Бородин вслух удивился такому дружескому общению двух оппонентов. Я объяснил, что если бы не Кудров, многие решили бы, что я умер, так как мои публикации и ссылки на них давно не появлялись в московских изданиях. Рядом мы сидели и на заключительном банкете. Другим соседом на этом банкете был известный московский экономист. Напротив него сидела молодая женщина. Я услышал от него редкую похвалу. Меня это покорило; женщина весело смеялась и охотно поддерживала этот тон. Я понял, что сильно отстал от переловых московских веяний.

Звенигород оказался очень живописным местом. Экскурсию по Звенигороду

взялся провести Нуреев. Меня поразило, с каким увлечением и знанием предмета он рассказывал об истории города.

4. Уход из СГУПС

Вернусь к СГУПС. Зная мое резко отрицательное мнение о качестве защитившихся диссертаций по экономике в СГУПС, тот самый мой приятель, который привлек меня в СГУПС, предложил обсудить этот вопрос на специальном заседании диссертационного совета, обещая поддержать меня. Вскоре оно состоялось под председательством ректора. Я оказался единственным, кто резко высказался по поводу качества диссертаций. Мой приятель произнес невразумительную короткую речь, из которой невозможно было понять его позицию. В заключение ректор, подводя итог обсуждению, сказал, что не видит оснований для тревоги, тем более что все защищенные диссертации утверждаются ВАК. Прекрасно зная, как тогда работала ВАК, я воспринял это как свидетельство того, что все останется без изменения. Это укрепило меня в мысли покинуть СГУПС.

Очень коротко о коллегах по СГУПС. Практически (исключая аспирантов) они ограничивались преподавателями экономических кафедр, на которых я работал. Мои отношения с ними были весьма ограниченными. Это определялось следующими обстоятельствами: моей поглощенностью научной работой, отдаленностью от места жительства, скудостью совместных мероприятий (заседания кафедры проводились редко), моей замкнутостью.

На кафедре экономической теории меня сильно удивило преобладание среди преподавателей женщин. Я всегда считал это ненормальным. Мои поездки в США

и Великобритании, посещения тамошних экономических кафедр подтвердили мое убеждение. Просто в силу большей занятости семьей и домашней работой женщины чаще всего не в состоянии были поддерживать высокий профессиональный уровень.

Из преподавателей этой кафедры сильное впечатление на меня произвели три человека. Александра Львовна Войтоловская была старейшим преподавателем кафедры. В это время ей было, кажется, 80 лет или даже больше. Я слышал, что в молодости она подвергалась политическим репрессиям и много лет провела в лагерях. Кажется, у нее был родственник в Ленинграде – профессор ЛФЭИ, которого я хорошо знал, когда учился в аспирантуре. Видно было, что она не совсем здорова, но сохранила живость речи и поведения, и с ней было интересно обсуждать общественные проблемы. Помню ее оригинальные высказывания о чеченском обществе.

Вторым был Гелий Михайлович Бастраков. Я физиономист и считаю себя способным определить человека по его внешнему виду. Он мне сразу понравился, производил впечатление порядочного и умного человека. Я слышал, что в молодости он работал в КГБ, но меня это мало трогало: важно было нынешнее поведение. Лет через 15 я с ним подружился и убедился, что чуть меня не обмануло.

Третьим был относительно молодой человек, замкнутый (как и я), но охотно вступающий в беседу по вопросам экономики во время перерывов в занятиях. Но лучше всего я его узнал во время случай-

ной встречи в автобусе по дороге в Академгородок. Мы во время всей поездки непрерывно и горячо обсуждали экономические вопросы. Я думал, что пассажиры на нас сердятся, но когда он раньше меня сошел, несколько пассажиров сказали: как интересно было Вас слушать. Впоследствии я от Бастракова узнал его фамилию (Макаревич), и мы пытались выполнить совместный проект. Но, к сожалению, это не получилось.

На кафедре «Мировая экономика» большинство преподавателей были мужчины, но там был другой недостаток: почти все не имели специального образования, включая заведующего кафедрой, технаря, бывшего секретаря одного из новосибирских райкомов партии, а в постсоветский период – вице-губернатора по внешнеэкономическим вопросам, когда он, конечно, приобрел определенные экономические знания. Здесь мне запомнился один эпизод. Один из преподавателей кафедры, специалист по цветной металлургии, написал учебное пособие по мировой экономике (это было тогда очень модным). Мне дали его на рецензирование. Пособие было слабым, но самое главное, приводившиеся таблицы были построены совершенно безграмотно. Относясь неплохо к этому интеллигентному человеку, я сделал упор на этом недостатке. Он не смутился: ничего, насыду на Ханина, и он поможет мне исправить таблицы. Пришлось помочь.

Когда бессмысленность пребывания в СГУПС стала очевидной, я подал заявление об уходе. Его быстро подписали.

THE FIRST POST-CRISIS YEARS (1998–2001)**G.I. Khanin**Novosibirsk State Technical University,
khaning@yandex.ru

Scientific and pedagogical activities during the period of 1998-2001 are considered in the article. The author describes the work of the Siberian Transport University (STU) of that time as well as students and lecturers of the Economic Theory Department and the World Economy Department and he also recollects his work with postgraduate students. The author spells out the most significant conclusions he made while writing his book “The Economic History of Russia in Modern Times”, its gaps and inaccuracies. An important place is given to the content of the discussion at the Russian-American conference on the economic history of the Soviet Union in Zvenigorod in the summer of 2000 as well as the description of its participants. The author speculates upon the reasons for his resignation from the Siberian Transport University (STU).

Keywords: Russian Higher Education, STU, the economic history of the Soviet Union, the Russian-American conference on the economic history of the Soviet Union in the summer of 2000 in Zvenigorod.

DOI: 10.17212/2075-0862-2016-2.1-152-166